

Торайғыров университетінің
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Торайғыров университета

ТОРАЙҒЫРОВ УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ХАБАРШЫСЫ

Филологиялық серия
1997 жылдан бастап шығады

ВЕСТНИК ТОРАЙҒЫРОВ УНИВЕРСИТЕТА

Филологическая серия
Издается с 1997 года

ISSN 2710-3528

№ 3 (2026)

Павлодар

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ТОРАЙГЫРОВ УНИВЕРСИТЕТА**

Филологическая серия

выходит 4 раза в год

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О постановке на переучет периодического печатного издания,
информационного агентства и сетевого издания

№ KZ30VPY00029268

выдано

Министерством информации и общественного развития
Республики Казахстан

Тематическая направленность

публикация материалов в области филологии

Подписной индекс – 76132

<https://doi.org/10.48081/BTOUPh3.2026/ISSN2710-3528>

Бас редакторы – главный редактор

Жусупов Н. К.

д.ф.н., профессор

Заместитель главного редактора

Анесова А. Ж., *доктор PhD*

Ответственный секретарь

Ергалиева С. Ж., *доктор PhD*

Редакция алқасы – Редакционная коллегия

Дементьев В. В., *д.ф.н., профессор (Российская Федерация)*

Еспенбетов А. С., *д.ф.н., профессор*

Трушев А. К., *д.ф.н., профессор*

Маслова В. А., *д.ф.н., профессор (Белоруссия)*

Пименова М. В., *д.ф.н., профессор (Российская Федерация)*

Баратова М. Н., *д.ф.н., профессор*

Аймухамбет Ж. А., *д.ф.н., профессор*

Шапауов Ә. Қ., *к.ф.н., профессор*

Искакова З. С., *технический редактор*

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов

При использовании материалов журнала ссылка на «Вестник Торайгыров университета» обязательна

<https://doi.org/10.48081/BTOUPh3.2026/540-560>

Н. В. Монгилёва¹, *Э. Б. Медетова²

^{1,2}Костанайский региональный университета имени Ахмет Байтұрсынұлы, Республика Казахстан, г. Костанай.

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2150-2312>

²ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5494-3147>

*e-mail: medelvira.0306@gmail.com

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕПРИВАТИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ ЖИЗЕЛЬ ПЕЛИКО)

В статье рассматриваются лингвокогнитивные и прагматические механизмы деприватизации травматического опыта в современном французском медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления роли речевых средств в трансформации общественного восприятия гендерно-маркированных преступлений: от их романтизации и квалификации в качестве изолированных частных происшествий (fait divers) до признания объективными социальными фактами (fait social). Материалом исследования послужил корпус публичных выступлений Жизель Пелико, включающий резонансные интервью в телевизионной программе La Grande Librairie и медиапроекте HugoDécrypte. Методология работы опирается на сочетание критического дискурс-анализа (CDA), теории лингвокогнитивного фреймирования и концепций дискурсивного этоса. В ходе анализа выявлена и систематизирована система дискурсивных стратегий и языковых маркеров, обеспечивающих переход от «этоса пассивной жертвы» к «этосу субъекта сопротивления». Установлено, что референциальная стратегия реализуется через жесткую дезвфемизацию и релексикализацию контекста, заменяющие бытовые наименования точными юридическими и социологическими денотатами. Стратегия распределения агентивности обеспечивает синтаксическую реконфигурацию ролей посредством активного залога и возвратных глаголов владения и контроля. Стратегия ценностно-

аффективной идентификации выносит деструктивный аффект стыда в публичное пространство, перенаправляя вектор порицания на агрессора по формуле «стыд меняет сторону». Композиционная стратегия масштабирует индивидуальную травму до уровня коллективного социального протеста. Практическая ценность работы заключается в экстраполяции полученных результатов на казахстанский медийный контекст, где дискурсивное сопровождение правовых реформ («Закон Салтанат») выступает ключевым условием модернизации общественного сознания и искоренения виктимблейминга.

Ключевые слова: деприватизация травмы, гендерно-маркированное насилие, феминизид, дискурсивный этос, агентивность, девфемизация, ментальные модели, «Закон Салтанат».

Введение

В современном медиапространстве личный травматический опыт неизбежно утрачивает статус приватного события, превращаясь в объект коллективного восприятия и социальной оценки. Репрезентация гендерно-маркированных преступлений в СМИ демонстрирует такую трансформацию: выбор речевых средств становится инструментом, формирующим языковое сознание массовой аудитории [1].

Согласно Д. Рассел и Р. Хармса, под гендерно-маркированным преступлением понимается широкий спектр форм насилия (от психологического давления до физической агрессии), обусловленных патриархальными социальными структурами и неравенством властных отношений между мужчинами и женщинами [2]. В данной иерархии подчинения феминизид выступает крайним проявлением насилия – умышленное убийство женщины из-за её гендерной принадлежности или «убийство женщины, потому что она женщина». Появление в общественной риторике термина феминизид позволило акцентировать, что речь идет не о «бытовых инцидентах» или «вспышках безумия», а о закономерном результате систематического унижения. В политологии и социологии под феминизидом понимается не вид убийства, а феномен гендерного неравенства в обществе, которое становится объектом критической оценки деятельности государства по обеспечению безопасности граждан [3].

Однако признание преступления «системным» напрямую зависит от способов его репрезентации в информационном поле. В этом процессе современный медиадискурс играет амбивалентную роль. Согласно исследованию Софи Дюбек, интерпретация феномена «феминизид» в прессе носит парадоксальный характер: сделав это понятие «видимым»

для общества, СМИ зачастую лишают его изначального общественно-политического смысла [3]. Во французском медиапространстве сохраняется устойчивая тенденция размещать сообщения о гендерных преступлениях в рубрике происшествий (*fait divers*), привлекая внимание читателей такими деталями, как *délits de la jalousie* (драма ревности) или *crime passionnel* (преступление страсти), а не на общей статистике и социальных причинах. Как отмечают исследователи, медийная репрезентация гендерных преступлений во Франции индивидуализирует событие, делает его единичным и частным, что препятствует его признанию как системного факта (*fait social*) и блокирует институциональную критику государственной политики безопасности [3, 69].

На фоне данной проблемы принципиально важным становится процесс деприватизации насилия. Деприватизация в дискурсе означает смещение ракурса интерпретации: преступление признается не частным инцидентом (конфликтом двух лиц), а следствием несовершенства государственной системы и общественной патологией. Личное несчастье индивида переводится в сферу коллективной ответственности общества и государства.

Материалом настоящего исследования послужило телевизионное интервью Ж. Пелико в программе *La Grande Librairie*, приуроченное к выходу её книги *Et la joie de vivre* [4]. История Жизель Пелико, прожившей в браке с Домиником Пелико более 50 лет, стала резонансным событием, вышедшим за пределы частного уголовного дела. В ноябре 2020 года открылись факты многолетнего (около 10 лет) систематического применения к ней тактики химического подчинения (*soumission chimique*) с целью совершения многократных актов физической агрессии со стороны десятков посторонних лиц (в деле фигурирует 51 обвиняемый). Жизель Пелико приняла беспрецедентное решение отказаться от законного права на закрытый режим слушаний (*huis clos*), выбрав стратегию абсолютной публичности.

Ярким примером деприватизации в казахстанском обществе стала дискуссия вокруг термина семейно-бытовое насилие после резонансного дела Салтанат Нукеновой (ноябрь 2023 – апрель 2024 г.). До этого момента преступления против женщин в Казахстане зачастую конструировались в медиа и правовом поле как приватный конфликт или семейная драма. Такая номинация диктовала соответствующую социальную практику: тактику примирения сторон и сохранение «ячейки общества» любой ценой. Под влиянием дела Нукеновой гражданское общество и независимые медиа совершили радикальный поворот: проблема была переопределена из «бытового спора» в «систематическое насилие» и «уголовное преступление». Как только явление было деприватизировано в дискурсе, прежняя практика примирения стала восприниматься обществом как недопустимая

легитимация насилия, что привело к принятию пакета законодательных поправок, известных как «Закон Салтанат» (апрель 2024 г.).

Но если в случае Салтанат Нукеновой деприватизация произошла через коллективный голос общества, то Жизель Пелико осуществляет этот процесс лично. Отказываясь скрывать «позор» преступления в приватном пространстве суда, Пелико переместила вектор стыда с себя как пострадавшей стороны на агрессоров и, шире, на социальные структуры, допустившие подобное. В телевизионном интервью и в книге Ж. Пелико деконструирует навязанный медиасистемой образ «сломленной жертвы», заявляя о системном характере произошедшего и праве на «радость жизни» вопреки перенесенному опыту.

Таким образом, объектом данной работы является современный французский медиадискурс репрезентации гендерно-маркированного насилия, представленный в публичных выступлениях пострадавшей стороны. Предметом – лингвокогнитивные стратегии и речевые маркеры деприватизации травматического опыта, обеспечивающие трансформацию события из категории частного происшествия (*fait divers*) в категорию социально-политического факта (*fait social*). Целью исследования становится выявление и систематизация дискурсивных стратегий и речевых средств, с помощью которых осуществляется лингвистический перевод личной травмы в поле коллективной социальной ответственности.

Материалы и методы

Выбор телевизионного интервью Жизель Пелико для программы *La Grande Librairie* в качестве материала исследования обусловлен статусом данного текста в современном французском медиапространстве: это первое подробное публичное выступление информанта после начала резонансного судебного процесса в Авиньоне. Наряду с этим в исследовательский корпус было включено ее эксклюзивное интервью независимому журналисту Юго Траверу, так как его проект *HugoDécrypte* является одним из влиятельных новых форм медиа во Франции, ориентированную на широкую, в том числе и молодежную аудиторию, что обеспечивает исследуемому дискурсу максимально социальный резонанс [5].

Проанализированный корпус объемом более 45 000 печатных знаков фиксирует момент осознанного перехода от молчания к публичной манифестации травматического опыта. Выбор формата интервью обусловлен необходимостью анализа «живого» дискурса жертвы, которая сознательно переходит от молчания к публичности. Объем исследуемого материала позволил провести лингвокогнитивный анализ, выявить повторяющиеся репрезентации (например, *tsunami*, *déflagration*, *femme objet* или *poupée de chiffon*) и проследить трансформацию дискурсивного этоса.

Методология исследования интегрирует подходы критического дискурса-анализа (CDA), лингвокогнитивного фреймирования и прагмалингвистики. В работе использованы социокогнитивный анализ для выявления ментальных моделей ситуации (в терминах Т. А. ван Дейка), анализ дискурсивного этоса (Р. Амосси и Д. Менгено) для деконструкции образа говорящего, а также семантико-синтаксический анализ, направленный на выявление категорий агентивности в синтаксических структурах, описывающих акты насилия (согласно С. Миллс и Д. Кэмерон). Для систематизации эмпирических данных в работе предлагается матрица лингвистических маркеров деприватизации.

Теоретический обзор

Наше понимание мира и самих себя не являются объективным отражением реальности, а конструируется людьми в процессе ежедневного социального взаимодействия [6, с. 3]. Согласно теории социального конструктивизма Вивиен Берр, все способы понимания мира культурно и исторически относительно; наши концепции зависят от конкретных социальных и экономических условий того времени и места, где мы живем. То, что мы считаем «истиной», является не продуктом объективного наблюдения, а результатом социальных взаимодействий и практик, в которые постоянно вовлечены индивиды [6]. При этом язык признается активным инструментом созидания социальной реальности. Посредством речевых актов индивиды конструируют категории и концепции, определяющие облик конкретной культуры и эпохи.

Теория социального конструирования постулирует, что выбор определенных речевых конструкций детерминирует характер последующих социальных действий. Например, если пьянство конструируется дискурсом как «преступление», социальным последствием становится тюремное заключение; если же оно квалифицируется как «болезнь», уместным действием признается медицинское вмешательство [6].

Анализируя способы описания проблемы в СМИ, Софи Дюбек утверждает, что маскулинность дискурса особенно проявляется в предпочтении эвфемизмов. Так, долгое время французская пресса использовала термины *crime passionnel* (преступление страсти) или *drame familial* (семейная драма) вместо термина феминицид. Подобные описательные формулировки выводят мужскую агрессию из зоны критического анализа, делая системный характер насилия «невидимым». Фемининность дискурса, напротив, создается часто с помощью конструкций, характеризующих женщин как *émotionnelle*, *naturellement fragile*, *démoiselle en détresse* и *centré sur le bien-être de la famille*. Как следствие, женщине навязывается представление о себе сквозь призму собственной неполноценности, что закрепляет существующую властную асимметрию. Любая номинация, приписывающая индивиду

жесткий социальный шаблон (будь то «ослепленный страстью» агрессор или «хрупкая» жертва), имеет деструктивные последствия. Навязывание подобных готовых моделей интерпретации события лишает его участников субъектности, блокирует возможность личного сопротивления и превращает жизненный опыт в речевую конструкцию, выгодную для сложившихся отношений в обществе.

Лингвистическим инструментом такой трансформации выступает категория дискурсивного этоса (от фр. *éthos discursif*) – конструируемого непосредственно в речи образа говорящего (автора). В отличие от «сказанного» этоса (*ethos dit*), представляющего собой прямые утверждения автора о себе, дискурсивный этос является показанным (*ethos montré*). Однако, он не вербализуется эксплицитно, а проявляется через интонацию (теплую или суровую), ритм, выбор слов и характер аргументов [8]. Реализация дискурсивного этоса в медиапространстве имеет стратегический характер и разворачивается непосредственно в процессе речепорождения. Конструирование дискурсивного этоса происходит через систему взаимосвязанных речевых макро- и микростратегий, предопределяющих рецепцию текста аудиторией. Особая роль в этом процессе отводится ценностно-маркированным концептам, понятным и близким аудитории. Например, политик может апеллировать к коллективной памяти и стереотипам, демонстрировать солидарность с ценностями лингвокультурного сообщества, что автоматически дает ему «право голоса» и легитимность в глазах общества [8].

Для анализа механизмов трансформации восприятия насилия в обществе необходимо обратиться к теории ментальных моделей Т. А. ван Дейка, согласно которой интерпретация текста адресатом детерминированы внутренними когнитивными структурами – ситуационными моделями. Согласно ученому, лингвистический код дискурса управляет когнитивным процессом: модифицируя лексические и синтаксические параметры высказывания, адресант трансформирует ментальную модель события в сознании аудитории [9].

Особую важность в управлении фокусом внимания адресата имеет репрезентация агентивности с помощью грамматических структур. Сравним: *elle a été violée* (она подверглась насилию) // *viol a été déposé* (изнасилование произошло). Использование пассивного залога или безличных конструкций, как это сделано во втором высказывании, приводит к «исчезновению» агрессора из ментальной модели ситуации, превращая преступление в бессубъектное событие. Деприватизация травмы, напротив, требует реактуализации Агента и акцентирование системного характера преступления. Фокус внимания на действия преступника и патриархальность сложившихся в обществе отношений через активный залог и конкретные

номинации позволяет трансформировать частное происшествие в объект социальной ответственности. Таким образом, изменение речевых конструкций влечет за собой трансформацию социальных практик и способно изменить отношение общества к гендерному насилию.

Результаты и обсуждение

Комплексный лингвокогнитивный анализ текста интервью Жизель Пелико позволил выявить ключевые механизмы дискурсивной деприватизации травмы. В ходе исследования было установлено, что лингвистическое восстановление субъектности и перевод события из категории частного происшествия в поле социальной ответственности осуществляются через систему взаимосвязанных дискурсивных стратегий.

Референциальная стратегия представляет собой целенаправленный выбор лексических единиц для дефиниции самого события, идентификации его участников и установления причинно-следственных связей между ними. В рамках данной стратегии осуществляется первичная интерпретация реальности: через именование субъектов и объектов автор задает границы того, как событие будет воспринято аудиторией. Лингвистическими средствами реализации этой стратегии выступают специальная терминология и релексикализация (иначе, замена слов). В корпусе нашего эмпирического материала вместо бытовых и «размытых» описаний, например, *incident familial*, *erreur* (семейный инцидент, ошибка) используются уголовно-правовые, медицинские и социологические денотаты *soumission chimique*, *viol*, *outil de domination masculine* (химическое подчинение, насилие, инструмент мужского доминирования). Подобные номинации позволяют говорящему конструировать дискурсивный этос экспертности. Опираясь на институциональные термины, автор репрезентирует себя транслятором объективного знания, занимающего позицию интеллектуально зрелого наблюдателя. Такая бескомпромиссность в выборе конкретных номинаций формирует этос гражданской ангажированности. Субъект речи манифестирует себя как социально ответственное лицо, которое через точность именования стремится преодолеть «дискурсивную невидимость» насилия. Таким образом, референциальная стратегия превращает номинацию в акт политического высказывания, легитимируя право пострадавшей стороны на собственное «видение» реальности.

Стратегия распределения агентивности заключается в управлении позиционированием субъекта внутри синтаксических структур, т.е. за счет грамматико-синтаксической реконфигурации. Суть стратегии сводится к перемещению автора по шкале Актер – Объект (или Пациент). Дискурсивный этос говорящего в данном случае предопределен тем, какую грамматическую роль он приписывает себе в репрезентации события.

Качественная характеристика лингвистических средств реализации данной стратегии включает два полярных инструментария. Активный залог, предпочтение личных местоимений первого лица (Je), а также возвратные глаголы владения и контроля (*se réappropriier*, *se reconstruire*, *se sauver*) манифестируют волевою субъектность. Для конструирования объективности (деперсонализации) используется пассивный залог, номинализации (замена глагола существительным, например, «viol» вместо «il a violé») и безличные конструкции, типичные для юридического дискурса. В результате создается двойственный этос. С одной стороны, через «агентные» конструкции выстраивается этос решительного, автономного актора, который берет под контроль интерпретацию своего прошлого. С другой стороны, использование элементов деперсонализации и «объективного» синтаксиса формирует этос беспристрастного арбитра, транслирующего «чистый» социальный факт, что придает высказыванию статус неоспоримой истины. Синтаксически возвращая себе статус Агента, субъект совершает речевое действие по деприватизации насилия, превращая его из «*ce qu'on m'a fait*» в «*ce que je témoigne et ce que je supporte*».

Стратегия ценностно-аффективной идентификации направлена на радикальную перестройку дистанции между говорящим, агрессором и аудиторией. Суть стратегии заключается в выводе деструктивного аффекта (стыда, вины) из приватного пространства пострадавшей стороны в зону ответственности оппонента и выстраиванием новой системы социальной солидарности. Средствами реализации данной стратегии становятся лингвистические конструкции, имеющие маркеры инклюзии и эксклюзии: местоимения *pous* (мы) для создания этоса солидарности с обществом и жертвами, противопоставление этих форм местоимению *ils* (они), маркирующему лагерь агрессоров. Ключевым маркером перемещения деструктивного аффекта в наш практический материал выступает фраза *la honte change de camp* (стыд меняет сторону), где абстрактное чувство стыда субстантивируется (превращается в объект) и лингвистически перемещается из пространства «Я» в пространство «Они». В результате говорящий конструирует этос сопротивления и морального превосходства. Управление дистанцией позволяет автору выйти из изоляции (уязвимой зоны приватной беды) и занять позицию коллективного субъекта, наделенного правом судить и обличать. Стыд перестает быть личным бременем женщины и превращается в социальное требование к обществу. Таким образом, через изменение идентификационной рамки «*je ne suis plus seule, la honte n'est plus à moi*» (я больше не одна, стыд больше мне не принадлежит), происходит окончательный переход события из статуса индивидуального происшествия (*fait divers*) в категорию острого социального факта (*fait social*).

Композиционная стратегия отвечает за формально-логическую организацию текста, обеспечивающую его связность и доказательность. Суть стратегии заключается в рациональном структурировании травматического опыта. Воспроизводя хронологию событий, говорящий выстраивает их в логичную систему аргументов, что также превращает рассказ о личной трагедии в логически обоснованный социальный протест. Реализация данной стратегии включает использование широкого спектра логических связей (причинно-следственных, уступительных, резюмирующих), тематическое структурирование речи от частного факта к обобщению, а также соблюдение строгого ритма высказывания. Текст интервью характеризуется четким развертыванием мысли: от выдвижения тезиса к его доказательной демонстрации и итоговому выводу. Так формируется этос рационального, интеллектуально зрелого и системно мыслящего автора. Аппелируя к логике, говорящий минимизирует избыточный эмоциональный аффект, что позволяет субъекту выйти из навязываемой роли «эмоционально нестабильной жертвы». Сама структура текста становится инструментом деприватизации: говорящий заставляет аудиторию воспринимать насилие не как «трагическую случайность», а как результат сбой социальных и правовых институтов.

Дискурсивный этос Жизель Пелико эволюционирует из навязываемой медиасистемой роли пассивной «жертвы» в этос «субъекта сопротивления». Это позволяет преодолеть традиционную ролевую триаду Патрика Шародо Жертва – Злодей – Спаситель [11] и взломать замкнутую структуру происшествия, описанную Роланом Бартом как *Structure du fait divers* [12]. Согласно Р. Барту, *fait divers* – это событие, лишенное внешних связей, «чистое» происшествие, которое поглощает само себя [12]. Деприватизация травмы в дискурсе Пелико разрушает эту герметичность, превращая «частный инцидент» в масштабный социальный феномен.

Для выявления механизмов этой трансформации нами была разработана таблица лингвистических маркеров (см. Таблицу 1), что позволило проанализировать дискурсивные стратегии деприватизации на конкретных речевых фактах.

Таблица 1 – Речевые маркеры дискурсивных стратегий деприватизации насилия

№	Дискурсивная стратегия	Ключевые речевые маркеры	Прагматический эффект
1	Референциальная стратегия	Специальная терминология (юридическая, медицинская); релексикализация (замена бытовых эвфемизмов строгими денотатами). <i>viol, soumission chimique, outil de domination (насилие, химическое подчинение, инструмент доминирования)</i>	Концептуализация события как системного преступления. Разрушение эвфемистического контура «семейной драмы».
2	Стратегия распределения агентивности	Активный залог; возвратные глаголы владения и контроля; вертикальные метафоры. <i>se reconstruire, se sauver, je veux rester droite, femme debout (восстановиться, спасти себя, я останусь женщиной стоящей прямо)</i>	Утверждение волевой субъектности. Деконструкция фрейма «идеальной (т.е. пассивной) жертвы».
3	Стратегия ценностно-аффективной идентификации	Инклюзивное <i>nous (мы)</i> ; эксклюзивное <i>ils (они)</i> ; объективация чувства стыда <i>la honte change de camp (стыд меняет лагерь)</i>	Вынос категории стыда в публичное пространство и разрушение механизмов виктимблейминга
4	Композиционная стратегия	Логические связи; тематическое структурирование (от частного факта к обобщению); соблюдение четкого ритма высказывания; минимизирование эмоционального аффекта. <i>toutes les femmes (все женщины)</i>	Выход из эго-пространства частной травмы в макросоциальное и политическое поле солидарности.

Систематизация лингвистических маркеров позволяет перейти к анализу прагматического эффекта, обусловленного взаимодействием выделенных стратегий в пространстве интервью: синергия лексических, грамматико-синтаксических и композиционных средств порождает ряд устойчивых когнитивных и социальных сдвигов.

В ходе анализа текста интервью Ж. Пелико нами были выделены четыре доминирующих прагматических эффекта, которые обеспечивают трансформацию события из герметичного частного происшествия

(fait divers) в категорию открытого социального факта (fait social), требующего коллективного осмысления и ответных действий со стороны общества и государства.

1. Эффект концептуализации события как системного преступления реализуется через референциальную стратегию. Первым и базовым этапом деприватизации травмы в дискурсе Ж. Пелико становится разрушение эвфемистического контура, конструируемого агрессором или обывательским сознанием. Суть данного эффекта заключается в намеренном отказе от бытовых эвфемизмов «erreur», «drame familial» (ошибка, семейная драма), которыми медиа зачастую пытается смягчить насилие. В тексте интервью происходит жесткий речевой акт релексикализации: героиня называет вещей их истинными именами.

В анализируемом материале зафиксировано противопоставление обыденных существительных и юридических денотатов. Il me le dit, il m'annonce qu'il a fait une bêtise (Он мне сказал, что совершил глупость). Лексема bêtise (глупость, оплошность), использованная бывшим супругом при попытке скрыть масштаб содеянного, подвергается деконструкции. Информант вскрывает этот лингвистический подлог и по-новому фиксирует реальность. Dominique m'a violée et fait violer. Et c'est la première fois où je prononce le mot «viol» (Доминик меня изнасиловал и заставил насиловать. Впервые я произнесла слово насилие). Фокусировка на самом речевом действии (prononce le mot) подчеркивает значимость номинации. Переход от минимизирующего денотата bêtise к предикатам violée et fait violer (изнасиловал и заставил изнасиловать) возвращает событию его истинный правовой статус.

Более того, Ж. Пелико масштабирует референциальную стратегию, вводя технические термины в качестве социальных категорий. ...on a parlé de la soumission chimique. Il faut savoir quand même que la soumission chimique est un outil de domination masculin (Следует отметить, что химическое подчинение является инструментом мужского доминирования). Понятие soumission chimique (химическое подчинение) трансформируется из медицинского факта в инструмент насилия и мужского доминирования (outil de domination masculine). Выстраивается причинно-следственный синтаксический параллелизм: soumission chimique - outil de violence - outil de domination masculine. Повтор конструкции est un outil de... лишает контекст компонентов «случайность», связывая частный случай со патриархальной системой. Прагматический эффект усиливается через использование дегуманизирующих метафор. Описывая себя на видео как poupée de chiffon (тряпичную куклу), Ж. Пелико достигает предельную объективацию и утрату субъектности. Je suis une poupée de chiffon, désarticulée. On voit une

morte, vraiment une morte dans son lit (Я тряпичная кукла, неподвижная. В постели лежит мертвая женщина, настоящий мертвец). Эта метафора противопоставляется оценке действий агрессоров как *abjection* (мерзость, низость), что выводит ситуацию из зоны «интимности» в поле морально-правового суда.

Наконец, стратегия дезэвфемизации дополняется деконструкцией сексистских стереотипов о возрасте. Информант называет навязываемый обществом образ пострадавшей *une femme vieillissante, d'une femme obsolète* (стареющая, устаревшая женщина), которая якобы «не служит больше ничему». Использование прилагательного *obsolète* (устаревший аппарат) обличает стирание субъектности женщины.

Таким образом, через референциальную стратегию событие окончательно концептуализируется как социально-политический факт. Аудитория лишается возможности воспринимать произошедшее как «частную проблему семьи», видя за ним работу системных механизмов гендерного неравенства.

2. Эффект утверждения волевой субъектности (агентности) происходит за счет стратегии распределения агентивности.

Центральным элементом сопротивления в дискурсе Ж. Пелико является возвращение себе роли активного участника событий (Агента). Суть данного эффекта заключается в разрушении стереотипа «*une bonne victime*» – образа пассивной, сломленной и беспомощной женщины, который традиционно закреплён в массовом медиадискурсе.

Интервьюер осознанно преодолевает этот шаблон. *Ça veut surtout dire que je suis une femme debout aujourd'hui, parce qu'on a toujours tendance à se dire que la victime doit être une bonne victime, c'est-à-dire dépressive, suicidaire* (Я женщина, стоящая на ногах, потому что у нас все еще есть склонность считать, что женщина должна быть «правильной жертвой», депрессивной, склонной к суициду). В данном фрагменте происходит разрушение устойчивого социального представления о «правильной жертве» (*bonne victime*), что Ж. Пелико иронично описывает прилагательными *dépressive, suicidaire* (депрессивная, склонная к самоубийству). Этому образу пассивного угасания она противопоставляет вертикальную метафору: *Je suis une femme debout* (я – женщина, стоящая на ногах / несдающаяся). Определение *debout* (стоящая) вводит в контекст содержание о волевой устойчивости и резко контрастирует с описанием ее физического состояния на видеозаписях преступников *cette femme inerte sur son lit* (эта инертная женщина на своей постели).

Переход из состояния *inerte* (пассивный объект, тело) в состояние *debout* (активный субъект) реализуется через семантику возвратных глаголов и метафоры восстановления. *...essayer de me reconstruire sur ce champ de ruines* (постараться восстановить себя на этом поле руин). Использование

местоимения *me* (себя/ меня) акцентирует то, что говорящий сам выступает инициатором своей реабилитации. Глаголы активного действия в первом лице *je n'ai jamais lâché* (я никогда не сдавалась), *je leur tiendrai tête* (я буду противостоять им) окончательно закрепляют за автором этос сопротивления. Настойчивое повторение фразы *je me suis sauvée* (я спасла себя сама) подчеркивает завершенность процесса возвращения контроля над собственной жизнью. *Mais j'ai pu aussi me sauver moi. Et maintenant, je pense que je me suis sauvée aussi* (Я смогла также спасти себя и сейчас я думаю, что я также спасаю себя).

Разрушение стереотипа об идеальной жертве (в интервью «идеальная» жертва – это пассивная, несопротивляющаяся жертва) происходит сразу в нескольких направлениях. Жизель отказывается от образа «сломленного» человека и прямо заявляет, что ее сила, радость жизни (*joie de vivre*) и способность смеяться не делают её страдания менее значимыми. Она опровергает ожидания того, что пострадавшая обязана пребывать в состоянии вечного траура и депрессии. *Je pense que cette joie de vivre, elle a toujours été en moi* (Я думаю, это радость к жизни всегда была во мне). Вместо того чтобы оставаться объектом (*roupée de chiffon* тряпичной куклой), она берет на себя роль активного действующего лица, которое само рассказывает свою историю «*Oui, mais c'est vrai et je me dis que, bien sûr qu'il faut continuer le combat, il ne faut rien lâcher. Moi, j'ai mis ma petite pierre à l'édifice, je me suis opposée par ce procès hors normes*» (Да, это действительно так. И я говорю себе, что, конечно, нужно продолжать эту борьбу, нельзя сдаваться. Я внесла свой небольшой вклад в общее дело, выступив против всего этого благодаря этому беспрецедентному судебному процессу). Тем самым Ж.Пелико лишает СМИ права на исключительное толкование её травмы. Пелико отмечает абсурдность того, что её внешняя сдержанность и отсутствие слез на публике использовались защитой для преуменьшения масштаба преступления. Она сознательно отказывается демонстрировать ожидаемую «разбитость», чтобы сохранить внутреннюю силу и достоинство в зале суда. *Parce que je ne renvoyais pas l'image de la bonne victime. La bonne victime, forcément, va s'écrouler. Il faut qu'elle soit dépressive. Il faut qu'elle soit suicidaire. Il faut qu'elle craque. Il faut qu'elle pleure. Moi, non. Je ne leur ai pas donné ce plaisir. J'avais décidé qu'en prenant cette décision, je l'assumerai jusqu'au bout, même si ça serait difficile. Bien sûr, ça n'a pas été facile* (Потому что я не соответствовала образу «правильной жертвы». Ведь «правильная жертва», как принято считать, обязательно должна сломаться. Она должна быть в депрессии. Она должна быть склонна к самоубийству. Она должна не выдержать. Она должна плакать. Но я – нет. Я не доставила им такого удовольствия. Приняв это решение, я решила идти до конца и нести за него ответственность, даже

понимая, насколько это будет трудно. Конечно, легко не было»). Стереотип предполагает, что пострадавшая должна скрываться и испытывать стыд. Ж.Пелико разрушает это представление, отказываясь от закрытого режима суда (*huis clos*), чтобы открыто противостоять агрессорам.

Таким образом, благодаря речевым средствам, меняющим акценты, и отказу от навязанных социальных ожиданий, Ж. Пелико утверждает новую модель поведения. Пострадавшая сторона предстает не как пассивная жертва, а как волевой Актор, который восстанавливает себя и сам диктует условия своего присутствия в медиапространстве.

3 Эффект выноса стыда в публичное пространство и разрушение механизмов виктимблейминга реализуется через стратегию ценностно-аффективной идентификации. Одной из самых разрушительных черт гендерных преступлений является безапелляционное навязывание стыда пострадавшей стороне, что часто ведет к самообвинению. Реплики Ж. Пелико радикально меняют этот стереотип, переводя стыд из глубоко личного, внутреннего переживания во внешнюю, социально-политическую категорию. ...*parce que cette honte, elle vous colle à la peau. Et cette honte, c'est une double peine...* Et je me suis dit que de lutter à l'échelle individuelle contre cette honte, c'était aussi œuvrer pour le collectif. (...потому что этот стыд буквально прилипает к твоей коже, от него невозможно избавиться. И этот стыд... И я сказала себе, что бороться с этим стыдом на индивидуальном уровне – значит одновременно действовать во благо всего общества). На первом этапе говорящий описывает традиционное состояние пострадавшей через телесную метафору *parce que cette honte, elle vous colle à la peau* (потому что этот стыд, он прилипает к вашей коже). Здесь стыд представлен как чужеродная, но при этом неотделимая от человека субстанция. Конструкция *c'est une double peine* (это двойное наказание / приговор) переводит эмоцию в юридический план, подчеркивая несправедливость того морального бремени, которое общество накладывает на женщину.

Центральным речевым приемом, направленным на вынос вины во внешнюю среду, является фраза *La honte change de camp* (Стыд меняет лагерь). Семантика существительного *honte* (стыд) с определенным артиклем превращает абстрактное чувство в почти осязаемую сущность, в конкретный объект. Такая интерпретация позволяет отделить стыд от личности женщины и представить его как некую вещь, которую можно переместить. Глагол *changer* (менять) подчеркивает акт физического отчуждения этой эмоции. Несмотря на то, что лексема *honte* в предложении выполняет роль подлежащего, за этой трансформацией стоит воля самой Жизель Пелико, которая своим решением запускает процесс этих изменений. Лексема *camp* (лагерь) вводит в контекст пространственную метафору. Насилие в этом

метафорическом образе репрезентируется как поле боя или политическое противостояние, разделенное на два четких сектора: «лагерь пострадавшей» и «лагерь агрессоров». Речевая конструкция активизирует траекторию движения: стыд «вымывается» из пространства женщины и принудительно переносится в пространство преступников. Данной репликой Ж. Пелико отменяет старую общественную установку, согласно которой стыд статичен и «принадлежит» пострадавшей, достигается эффект освобождения пострадавшей от навязанного чувства.

Эффект преодоления стыда реализуется также через противопоставление личного усилия общественному благу. Lutter... c'était aussi œuvrer («бороться... означало также трудиться/работать»). Говорящий связывает индивидуальное речевое усилие (à l'échelle individuelle) с результатом для всего общества (pour le collectif). Таким образом, деструктивная эмоция перестает быть «постыдным секретом» отдельного человека, превращаясь в объект коллективной вины и становясь инструментом социальной ответственности.

4 Эффект превращения личной истории в коллективное достояние реализуется через синергию композиционной и референциальной стратегий. Завершающим и наиболее сложным этапом деприватизации травмы в интервью Ж. Пелико становится ее окончательное преобразование личной трагедии в историю всего общества. Имя Ж. Пелико отчуждается от нее самой как частного физического лица и превращается в символический капитал французского общества. Этот эффект достигается за счет синергии логической композиции текста и намеренного расширения круга участников событий.

Процесс слияния личного опыта с общественным происходит путем использования слов с обобщающим значением, когда героиня рассказывает о своей книге. ...ce livre est un message d'espoir à toutes les femmes qui traversent des périodes très compliquées (эта книга – послание надежды всем женщинам...). Слово сочетание toutes les femmes расширяет границы контекста фразы, превращая индивидуальный опыт в универсальный манифест. Говорящий последовательно выстраивает дискурсивный этос человека, действующего в интересах группы, а не только в своих собственных. Je n'ai pas pensé qu'à moi à ce moment-là (Я не думала только о себе в тот момент) // Je voulais que mon histoire serve aux autres (Я хотела, чтобы моя история послужила другим). Прямое отрицание эгоцентричности подчеркивает социальную направленность её речи. Упоминая «других» женщин Жизель Пелико превращает свою травму в пространство политической борьбы за права женщин. Parce que je pense qu'il fallait quand même donner un grand coup de pied dans la formilière de cette société machiste et patriarcale (Потому что я считаю, что всё-таки необходимо было серьёзно встряхнуть это мачистское и патриархальное общество).

На полную деприватизацию указывают пространственные маркеры в репликах, в которых Жизель Пелико описывает адреса на присылаемых для нее письмах. Il y avait marqué sur les enveloppes «Gisèle Pellicot Mazan» ou «Gisèle Pellicot Avignon» et ça arrivait directement dans la cour d'assises d'Avignon (На конвертах было написано просто: «Жизель Пелико, Мазан» или «Жизель Пелико, Авиньон», и письма приходили прямо в суд присяжных Авиньона). Исчезновение из адресации конкретного домашнего адреса (улицы, номера дома) и его замена связкой Имя + Город + Суд свидетельствует о том, что личность автора полностью отделяется от приватной жизни. Субъект лингвистически и географически синхронизируется с пространством правосудия (cour d'assises). Как отмечает сама героиня: *cette histoire, elle ne vous appartient plus totalement* (эта история больше не принадлежит вам полностью).

Благодаря последовательному переходу от «Я» к «Мы», история Ж. Пелико становится инструментом коллективного требования безопасности. Таким образом, дискурс Пелико выполняет свою главную задачу: он выводит насилие из тени частной жизни (*fait divers*), превращая его в объект национального правосудия и политической воли (*fait social*).

Выводы

Резюмируя проведенный лингвопрагматический анализ, необходимо подчеркнуть, что медийная репрезентация гендерно-маркированных преступлений является динамическим полем дискурсивной борьбы за социальные смыслы. На примере анализа интервью Жизель Пелико было доказано, что процесс деприватизации травмы и перевода резонансного события из статуса единичного происшествия (*fait divers*) в категорию социального факта (*fait social*) детерминирован синергетическим взаимодействием комплекса дискурсивных стратегий.

Выявленные стратегии – референциальная, композиционная, а также стратегии распределения агентивности и ценностно-аффективной идентификации – функционируют как взаимосвязанные инструменты конструирования социальной реальности. Релексикализация события через отказ от эвфемизмов в пользу жестких денотатов (химическое подчинение, феминизм, инструмент доминирования) создает лексическую базу для перестройки ментальных моделей в сознании аудитории. Этот процесс подкрепляется грамматической агентивностью: переход к активным возвратным формам глаголов и личным местоимениям первого лица разрушает стереотип «пассивной жертвы». Важное значение приобретает вынос стыда в публичное пространство, зафиксированный в формуле «стыд меняет сторону», что позволяет закрепить за пострадавшей стороной этос субъектности и сопротивления. Благодаря строгой архитектонике текста личная травма окончательно утрачивает статус частного «несчастья»,

трансформируясь в универсальный манифест и инструмент коллективного социального действия.

Лингвокогнитивный анализ кейса Ж. Пелико представляет собой значимый методологический ориентир для исследования процессов деприватизации насилия в Казахстане. Исследование подтверждает, что эффективность правовых реформ напрямую коррелирует с характером их дискурсивного сопровождения в медиаполе. Как показал опыт обсуждения «Закона Салтанат», радикальный отказ от бытовых эвфемизмов и утверждение речевой агентивности пострадавших являются необходимыми лингвистическими условиями для институциональных изменений. Закрепление в национальной речевой культуре механизмов перенаправления вектора порицания на агрессора позволяет переформатировать коллективные ментальные модели, переводя проблему из зоны «семейной герметичности» в зону государственной ответственности. Таким образом, филологический анализ дискурсивных стратегий вносит вклад в понимание механизмов модернизации общественного сознания, способствуя переходу от декларативной справедливости к реальным социальным реформам и защите человеческой субъектности как во Франции, так и в Казахстане.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 **Горностаева, Ю. А.** Репрезентация фемцида в латиноамериканских СМИ: от легитимации к делегитимации насилия над женщинами // Филологические науки // Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 8. – С. 2567–2572.

2 **Russell, D. E., & Harmes, R. A.** (Eds.). *Femicide in global perspective*. – Teachers College Press, 2001

3 «Médias et féminicides : le temps presse» Grande enquête #NousToutes sur l'évolution du traitement médiatique des féminicides entre 2017 et 2022. [Electronic resource]. – https://www.noustoutes.org/wp-content/uploads/2024/11/CP-Medias-et-feminicides_le-temps-presse.pdf

4 Gisèle Pelicot s'exprime pour la première fois à la télévision – La Grande Librairie [Electronic resource]. – https://www.youtube.com/watch?v=1ML_hkYdyzc

5 L'interview de Gisèle Pelicot, par HugoDécrypte. [Electronic resource]. – <https://www.youtube.com/watch?v=5DQ6r9jPbWE>

6 **Galbin, A.** An Introduction to Social Constructionism // Social Research Reports. – 2014. – Vol. 26. – P. 82–92. [Electronic resource]. – <https://scispace.com/pdf/an-introduction-to-social-constructionism-2qftsksj84.pdf>

7 **Sophie, Dubec.** Visibiliser le « féminicide » en le vidant de son caractère systémique : retour sur les conditions discursives de l'incorporation d'un

conceptféministe dans la PQN (2015-2020) // *Recherches en communication*. est Maîtresse de conférences à l'Université Sorbonne Nouvelle et chercheuse au Laboratoire Irmécen. n°57. – Article publié le 18/12/258. [Electronic resource]. – <https://ojs.uclouvain.be/index.php/rec/article/view/85123/80453>

8 **Dominique, Maingueneau.** L'èthos: un articulateur // *L'ethos en question*. – 13. – 2013. – <https://doi.org/10.4000/contextes.5772>

9 **Абдукеримова, Г. С.** Лингвокультурологические особенности французского политического медиадискурса дискурса. Дисс... на соискание степени доктора философии. – Алматы, 2024.

10 **Сергаева, Ю. В., Никитина, Е. В.** Домашнее насилие как объект дискурс-анализа // *Studia Linguistica*. – СПб., 2020. – № 29. – С. 31–40.

11 **Patrick, Charaudeau.** Le discours d'information médiatique. La construction du miroir social. – Paris, Nathan / Institut national de l'audiovisuel, 1997. [Electronic resource]. – https://www.persee.fr/doc/lsoc_0181-4095_1998_num_85_1_2826

12 **Barthes, Roland.** «Structure du fait divers», dans *Œuvres complètes*, 1962-1967. – Paris : Seuil, 2002. – Vol. 2. – P. 442–451.

13 **Edwards, D.** *Discourse and Cognition*. // Sage Academic Books. – 2012. – <https://doi.org/10.4135/9781446221785>. [Electronic resource]. – <https://sk.sagepub.com/book/mono/discourse-and-cognition/toc>

REFERENCES

1 **Gornostaeva, Yu. A.** Representaciya femicida v latinoamerikanskix SMI: ot legitimacii k delegitimacii nasiliya nad zhenshhinami [Representation of Femicide in Latin American Media: From the Legitimation to the Delegitimation of Violence against Women] // *Filologicheskie nauki // Voprosy` teorii i praktiki*. – 2021. – Vol. 14. – № 8. – P. 2567–2572.

2 **Russell, D. E., & Harmes, R. A.** (Eds.). *Femicide in global perspective*. – Teachers College Press, 2001

3 «Médias et féminicides :le temps presse» Grande enquête #NousToutes sur l'évolution du traitement médiatique des féminicides entre 2017 et 2022. [Electronic resource]. – https://www.noustoutes.org/wp-content/uploads/2024/11/CP-Medias-et-feminicides_le-temps-presse.pdf

4 Gisèle Pélicot s'exprime pour la première fois à la télévision – La Grande Librairie. [Electronic resource]. – https://www.youtube.com/watch?v=IML_hkYdyzc

5 L'interview de Gisèle Pelicot, par HugoDécrypte [Electronic resource]. – <https://www.youtube.com/watch?v=5DQ6r9jPbWE>

6 **Galbin, A.** An Introduction to Social Constructionism. // Social Research Reports. – 2014. – Vol. 26. – P. 82–92. [Electronic resource]. – <https://scispace.com/pdf/an-introduction-to-social-constructionism-2qftsksj84.pdf>

7 **Sophie, Dubec.** Visibiliser le « féminicide » en le vidant de son caractère systémique : retour sur les conditions discursives de l'incorporation d'un concept féministe dans la PQN (2015-2020) // Recherches en communication. est Maîtresse de conférences à l'Université Sorbonne Nouvelle et chercheuse au Laboratoire Irmécen. n°57. – Article publié le 18/12/258. [Electronic resource]. – <https://ojs.uclouvain.be/index.php/rec/article/view/85123/80453>

8 **Dominique, Maingueneau.** L'éthos: un articulateur // L'éthos en question. – 13. – 2013. – <https://doi.org/10.4000/contextes.5772>

9 **Abdukerimova, G. S.** Lingvokul'turologicheskie osobennosti francuzskogo politicheskogo mediadiskursa diskursa [Linguocultural Features of French Political Media Discourse]. Diss... na soiskanie stepeni doktora filosofii. – Almaty, 2024.

10 **Sergaeva, Yu. V., Nikitina, E. V.** Domashnee nasilie kak ob`ekt diskurs-analiza [Domestic Violence as an Object of Discourse Analysis] // Studia Linguistica. – St.-Petersburg, 2020. – № 29. – P. 31–40.

11 **Patrick, Charaudeau.** Le discours d'information médiatique. La construction du miroir social. – Paris, Nathan / Institut national de l'audiovisuel, 1997. [Electronic resource]. – https://www.persee.fr/doc/lsoc_0181-4095_1998_num_85_1_2826

12 **Barthes, Roland.** «Structure du fait divers», dans Œuvres complètes, 1962-1967. – Paris : Seuil, 2002. – Vol. 2. – P. 442–451.

13 **Edwards, D.** Discourse and Cognition. // Sage Academic Books. – 2012. – <https://doi.org/10.4135/9781446221785>. [Electronic resource]. – <https://sk.sagepub.com/book/mono/discourse-and-cognition/toc>

Поступило в редакцию 30.07.26.

Поступило с исправлениями 30.07.26.

Принято в печать 10.08.26.

*Н. В. Монгилёва¹, *Э. Б. Медетова²*

^{1,2}Ахмет Байтұрсынұлы атындағы Қостанай аймақтық университеті, Қазақстан Республикасы, Қостанай қ.

30.07.26 ж. баспаға түсті.

30.07.26 ж. түзетулерімен түсті.

10.08.26 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҚАЗІРГІ МЕДИА КЕҢІСТІГІНДЕГІ ГЕНДЕРЛІК ЗОРЛЫҚ- ЗОМБЫЛЫҚТЫ ДЕПРИВАТИЗАЦИЯЛАУДЫҢ ДИСКУРСИВТІ СТРАТЕГИЯЛАРЫ (ЖИЗЕЛЬ ПЕЛИКОНЫҢ СҰХБАТТАРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Мақалада қазіргі француз медиадискурсындағы травматикалық тәжірибені деприватизациялаудың (жекешеліктен шығарудың) лингвокогнитивтік және прагматикалық механизмдері қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі гендерлік қылмыстарды қоғамдық қабылдауды өзгертудегі тілдік құралдардың рөлін түсіну қажеттілігімен негізделеді: оларды оқшауланған жеке оқиғалардан (fait divers) объективті әлеуметтік фактілерге (fait social) дейін қайта бағалау. Зерттеу материалы ретінде Жизель Пеликоның La Grande Librairie телебағдарламасы мен HugoDécrypte медиажобасында берген сұхбаттарының корпусы алынды. Жұмыстың әдістемесі сын тұрғысынан дискурс-талдау (CDA), лингвокогнитивті фреймдеу және дискурсивті этос концепцияларының интеграциясына сүйенеді. Талдау барысында «пассивті құрбан этосынан» «қарсылық білдіруші субъект этосына» өтуді қамтамасыз ететін дискурсивті стратегиялар мен тілдік маркерлер жүйеленді. Референциалды стратегия тұрмыстық эвфемизмдерден бас тартып, заңды және социологиялық денотаттарды қолдану арқылы жүзеге асатыны анықталды. Агентивтілікті бөлу стратегиясы ықпалды етіс пен өздік етістіктер арқылы синтаксистік рөлдерді қайта құрады. Құндылықты-аффективті идентификация стратегиясы ұят сезімін қоғамдық кеңістікке шығарып, кінә векторын «ұят жақты өзгертеді» формуласы бойынша агрессорға бағыттайды. Композициялық стратегия жеке травманы ұжымдық әлеуметтік наразылық деңгейіне дейін кеңейтеді. Жұмыстың практикалық құндылығы алынған нәтижелерді қазақстандық медиа контекстіне экстраполяциялауда жатыр, онда құқықтық реформаларды («Салтанат заңы») дискурсивті сүйемелдеу қоғамдық сананы жаңғыртудың негізгі шарты ретінде көрінеді.

Кілтті сөздер: медиадискурс, травманы деприватизациялау, гендерлік зорлық-зомбылық, феминизм, дискурсивті этос, агентивтілік, деэвфемизация, ментальды модельдер, Жизель Пелико, «Салтанат заңы».

N. V. Mongilyova¹, *E. B. Medetova²

^{1,2}Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University,

Republic of Kazakhstan, Kostanay.

Received 30.07.26.

Received in revised form 30.07.26.

Accepted for publication 10.08.26.

DISCURSIVE STRATEGIES FOR THE DEPRIVATIZATION OF GENDER-BASED VIOLENCE IN MODERN MEDIA SPACE (BASED ON GISEÈLE PELICOT'S INTERVIEWS)

The article examines the linguocognitive and pragmatic mechanisms of the deprivatization of traumatic experience in modern French media discourse. The relevance of the study is driven by the need to understand the role of linguistic means in transforming the public perception of gender-based crimes: shifting from their romanticization and framing as isolated private incidents (fait divers) to their recognition as objective social facts (fait social). The empirical material comprises the corpus of public statements by Gisèle Pelicot, including high-profile interviews on the television program La Grande Librairie and the digital media project HugoDécrypte. The methodology integrates Critical Discourse Analysis (CDA), linguocognitive framing theory, and concepts of discursive ethos. The analysis reveals and systematizes a matrix of discursive strategies and linguistic markers that facilitate the transition from an “ethos of a passive victim” to an “ethos of a subject of resistance”. It is established that the referential strategy operates through rigorous de-euphemization and relexicalization, replacing domestic labels with precise legal and sociological denotations. The agency distribution strategy provides a syntactic reconfiguration of roles using active voice constructions and reflexive verbs of control. The value-affective identification strategy projects the destructive affect of shame into the public domain, redirecting blame onto the perpetrator via the formula “shame changes sides”. The compositional strategy scales individual trauma to the level of collective social protest. The practical value of the study lies in extrapolating these findings to the Kazakhstani media context, where the discursive support of legal reforms (“Sultanat Law”) acts as a vital condition for modernizing public consciousness and eradicating victim-blaming.

Keywords: media discourse, deprivatization of trauma, gender-based violence, femicide, discursive ethos, agency, de-euphemization, mental models, Gisèle Pelicot, “Sultanat Law”.

Теруге 10.08.2026 ж. жіберілді. Басуға 21.09.2026 ж. қол қойылды.

Электронды баспа

5,64 МБ RAM

Шартты баспа табағы 44,4.

Компьютерде беттеген: З. С. Исакова

Корректорлар: А. Р. Омарова, Д. А. Кожас

Тапсырыс № 4593

Сдано в набор 10.08.2026 г. Подписано в печать 21.09.2026 г.

Электронное издание

5,64 МБ RAM

Усл. печ. л. 44,4.

Компьютерная верстка: З. С. Исакова

Корректоры: А. Р. Омарова, Д. А. Кожас

Заказ № 4593

«Toraighyrov University» баспасынан басылып шығарылған

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

«Toraighyrov University» баспасы

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

67-36-69

e-mail: kereku@tou.edu.kz

www.vestnik.tou.edu.kz